

Виктор Владимирович Геращенко

Один из старейших и известнейших представителей банковского сообщества, возглавлявший Госбанк СССР, дважды — Банк России, принимавший непосредственное участие в осуществлении исторических реформ и разработке важнейших законов. В банковских кругах ещё с начала 70-х годов имеет прозвище Геракл, которое, по его словам, образовано от его фамилии. Хотя ныне оно во многом созвучно его статусу и карьере.

Для того чтобы брать взятки!

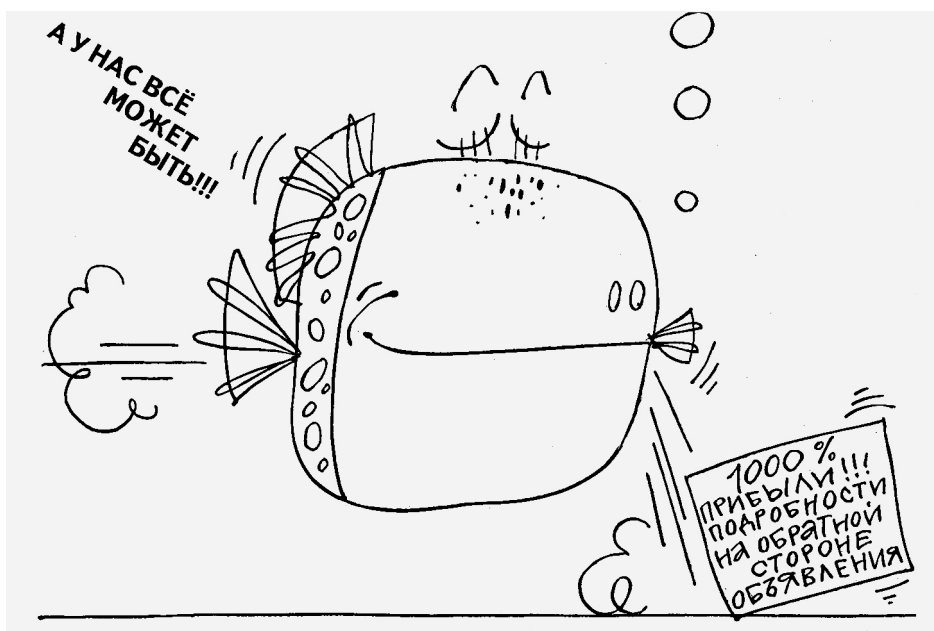
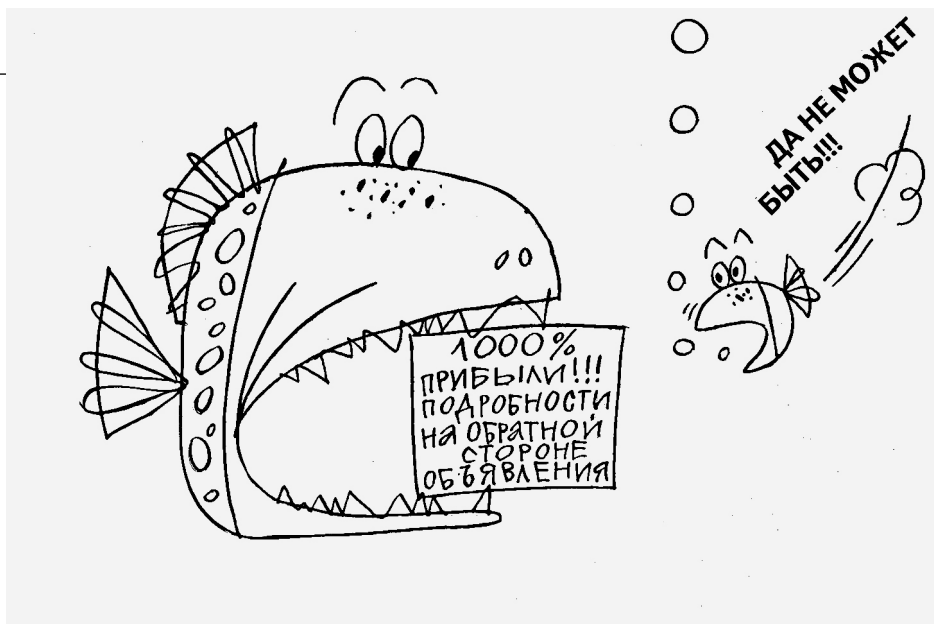
Было чрезвычайно трудно, порой просто невозможно разъяснить далеким от банковской сферы людям сущностное отличие коммерческого банка от большинства других предприятий рыночной экономики. Это стало намного легче сделать потом, когда печальный опыт «финансовых пирамид» наглядно продемонстрировал чрезвычайную опасность бесконтрольности учреждений, привлекающих средства населения.

Летом же 1990 года попытки наших представителей растолковать депутатам Верховного Совета, что к банковскому делу нельзя допускать людей, не имеющих профессиональной подготовки, что естественное для непрофессионала пренебрежение довольно сложной техникой современного бухгалтерского учёта до предела затруднит налаживание стабильной банковской отчётности и соответственно контроль за коммерческими банками, встречались буквально в штывы.

Некоторые эпизоды могут показаться просто смешными. Но это был смех сквозь слёзы. Сотрудники рассказывали мне, например, случай, когда в ходе весьма оживлённого обсуждения в комиссии по банковскому законодательству проблемы разрешительного принципа регистрации один из депутатов вдруг заявил: «Хватит, прекратите! Хотите, я скажу, для чего это вам нужно? Для того чтобы брать взятки!»

Печальный опыт «финансовых пирамид» наглядно продемонстрировал чрезвычайную опасность бесконтрольности учреждений, привлекающих средства населения.

Непомерный жор

Запомнилось мне и единственное посещение заседания Политбюро, продемонстрировавшее непонимание М. С. Горбачёвым азов экономики. Было это весной 1991 года, после бурного XXVIII съезда КПСС (прошедшего летом 1990 года), на котором членами политбюро выбрали всех главных коммунистов союзных республик. Добавили ещё дополнительно пяток VIPов, забыв, правда, включить в него предсовмина Н. И. Рыжкова. Глупость невероятная! (Раньше такой же глупостью было то, что легендарный председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков не был даже кандидатом в члены политбюро!)

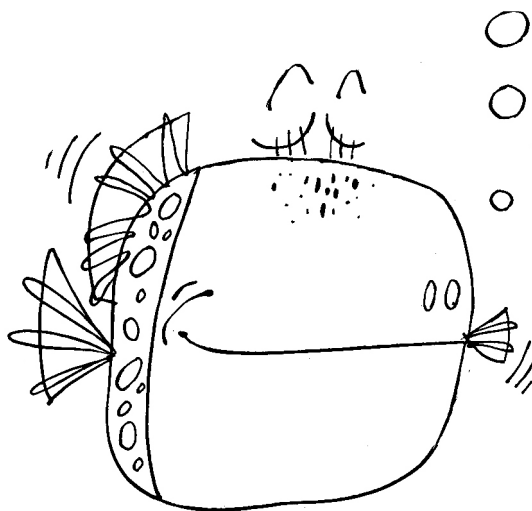
Так вот, обсуждался вопрос о земельной реформе, говорилось о новых формах собственности на землю. На заседание были приглашены представители экономических ведомств. От Минфина был Володя Орлов, от Минэкономики — Андрей Шаповальянц, от Госбанка — я. Посадили нас на приставные стульчики. Заседание началось в 11 часов. Идёт обсуждение, Горбачёв как всегда демагогичен, демонстрирует новое мышление, говорит что-то о частной собственности. После него прошла ещё пара выступлений. В 12 часов объявляется перерыв. Мы с Орловым стоим, поглощаем выданные сосиски, к нам подходит Ислам Каримов (ныне президент, а тогда ещё первый секретарь ЦК КП Узбекистана). Мудрый человек!

Так вот, хорошо зная по Минфину Володю Орлова (Каримов бывший министр финансов республики), Ислам Абдуганиевич подошёл к нам и после нескольких общих фраз сердито сказал: «Чего вы этого му...ка держите?!» Мы немного опешили: я столь близко видел Каримова впервые, а Владимир Ефимович, не в пример предшественникам Гарбузову и Павлову, был человеком деликатным. «Всё это хреново закончится!» — закончил свою образную речь узбекский лидер и пошёл дальше.

Потом Каримов в своём выступлении обратился к генсеку: «Михаил Сергеевич, страна огромная, в каждом регионе свой ресурс земли. Везде разные традиции и обычаи. Не старайтесь вы для всей страны ввести оди-

наковые правила! У нас за участок земли в Ферганской долине люди будут убивать друг друга! У нас ведь разделение труда. На земле в республике работают узбеки, в торговле — таджики и евреи, в промышленности — славяне. Не лезьте вы к нам со своими идеями!»

Вскоре появился проект нового союзного договора, который, видимо, был действительно необходим. Но с финансовой точки зрения там прописывались откровенно глупые вещи. По инициативе Горбачёва договор готовился втайне от руководителей всех экономических ведомств, включая правительство.

Никогда не звоните домой начальникам!

При председателе правления госбанка СССР Якове Ильиче Голеве первым замом был Александр Константинович Коровушкин, ставший в 1953 году заместителем министра финансов СССР. В 1958 году он вернулся в Госбанк уже председателем. Но продержался не очень долго, с ним произошёл курьёзный случай: в 1963 году он пьяным позвонил Хрущёву, чтобы согласовать оперативное изменение кассового плана и выдать какому-то региону зарплату. При этом пожаловался, что нет Косыгина и он не может собрать необходимую комиссию. Во время разговора Александр Константинович якобы перепутал имя и отчество генсека, Никита Сергеевич позвонил Брежневу, отвечавшему в ЦК КПСС за кадры, тот прислал к Коровушкину двух людей из соответствующего отдела. Тело председателя было освидетельствовано — оно оказалось не в кондиции. Вспомнили, что виновный к тому же во время визита во Францию без согласования с верхами заезжал в Монако с женой. В общем, глупостей было сделано много! Так, по совокупности вины Коровушкин был уволен с занимаемой должности. Было ему 54 года, карьера его пошла под откос.

Заместитель министра финансов СССР В. Н. Семёнов рассказывал, что, как-то отдыхая в Сочи, на пляже встретил Коровушкина. Разговор, конечно, зашёл о работе. Виктор Николаевич спросил, действительно ли всё было так. Александр Константинович всё отрицал, объяснив опалу тем, что это Хрущёв сам во время разговора был в изрядном подпитии.

Памятуя об этом случае, во время работы в министерстве Семёнов хорошо усвоил этику обращения с «высокими начальниками» и поэтому никогда не звонил своему министру домой.

Капиталистический общак

Начало моей работы в совзагранбанке Ost-West Handelsbank (Франкфурт-на-Майне) было осложнено некими обстоятельствами: именно в этом, 1974 году, в Германии лопнул небезызвестный Bank Herrstadt, слишком активно и рискованно спекулировавший на валютных рынках. Все банки без исключения после этого ввели жёсткие ограничения на объём спекулятивных операций. Многие иностранные банки сильно пострадали от прогоревшего банка, а Ost-West Handelsbank оказался в плюсе, заработав 22 миллиона марок, чему был, безусловно, рад. Но недолго. Немецкая банковская ассоциация приняла решение всем банкам скинуться на покрытие потерь наиболее пострадавших иностранных банков (а это были отнюдь не немецкие банки — в частности, много потерял Barclays Bank) и восстановить имидж германского бизнеса. Помню, пригласил нас посол В. М. Фалин к себе домой и познакомил с крупнейшими банкирами. Был на этой встрече и возвращающийся на родину председатель нашего банка А. И. Дубонос. Когда ему предложили сдать в общак значительную часть заработанной на банкротстве прибыли, он возмутился: «Это же рынок! Мы честно заработали деньги!» Ему ответили: «Да, это рынок, но есть решение, одобренное большинством, и придётся ему подчиниться! Здесь же работать вашему сменщику...» Валентин Михайлович подтвердил: «Да, Андрей Ильич, придётся подчиниться!» Так что миллионов 15 тогда пришлось отдать.

Награда за неурожай

В последнее время моего нахождения в Англии я работал дилером Московского народного банка на финансовых рынках. В банке на этом направлении были задействованы двое — мой партнёр был англичанин. Дело было специфическое, для успешного занятия нам необходимо было много общаться с коллегами из других банков, в том числе выпивать с ними в пабах. И не смущаться от отсутствия котелка, в ситуациях, когда этот головной убор был водружён на собеседнике.

Работали мы с представителями разных стран, в том числе и американцами, хотя значительно меньше. В первую очередь при больших закупках зерна (в 1963 и 1972 годах). Особенно большая работа была проведена в 1972 году, за что ряд работников внешнеторговых организаций и валютного управления Госбанка вместе с транспортниками были отмечены орденами и медалями. Один мой коллега гордо называл причину своего награждения: «За неурожай!»

Сэтим, кстати, связана ещё одна забавная и одновременно грустная история. Во время стажировки в Лондоне в 1963 году, проходя кандидатский стаж в партию, я получил задание подготовить политинформацию на профсоюзном (а фактически партийном) собрании совслужащих торгпредства. Я бодро по материалам наших газет рассказал, как проходит уборка урожая на Родине и каких новых успехов достигло наше сельское хозяйство, а буквально через неделю прочитал в английских газетах о том, что зампред Внешторгбанка вылетел в Канаду договариваться о закупках зерна. Вот и верь после этого советским газетам! Неслучайно говорил профессор Преображенский: «Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет!»

Клянусь уставом КПСС говорить только правду

В 1976 году разорилось отделение советского Моснарбанка в Сингапуре. Меня послали туда спасать ситуацию. Долго ловили жулика Эймаса Доу, взявшего у нас кредитов на сумму свыше 250 млн сингапурских долларов. Доу создал и возглавил группу компаний «Мосберт» («Мос» — от Эймас, а «Берт» от имени его партнёра Роберта Та). Этот бывший малазийский почтовый служащий (ему в 1976 году было всего 32 года) достаточно быстро разбогател и активно приобретал недвижимость (особенно любил отели), землю и т. п. К моменту скандала оказалось, что Доу имел огромное количество фирм, в которых реальные активы только подразумевались. После этого он сбежал в США. Пострадали, кстати, от него не только мы, но и Hong-Kong and Shanghai Bank, Standard Chartered Bank. Все вместе партнёры по несчастью финансировали расходы по юридическому обеспечению процесса по его экстрадиции из США. Ловкий же малазиец начал разыгрывать карту КГБ: заявлять, что Моснарбанк — прикрытие советских карательных органов, охотится за ним. Пять лет английские власти не давали мне визы в Гонконг, где у нас было много должников, куда разыскиваемого должны были привезти. В конце концов в октябре 1981 года, незадолго перед возвращением на родину, я попал в эту английскую колонию за счёт английской королевы! Жулика вытащили из США и отдали под суд пострадавшие английские коллеги. Я же приехал на суд как свидетель и три дня жил в самой дорогой гостинице «Мандарин». Возник вопрос: на чём мне давать клятву в суде. Коммунисту подкладывать под руку Библию? Что толку от такой клятвы? Я предложил поклясться на Уставе КПСС, но, видимо, английское правосудие его оперативно не нашло. Обошлись словами, после чего я три с половиной часа давал показания.

Как Геракл затмил Мадонну

Я привык говорить что думаю, и никогда не был тем, кто берёт под козырёк: «Yes, sir!» Правда, иногда это выходит для меня боком. В определённой степени для целого ряда представителей истеблишмента я был неудобным человеком. Что же касается моих суждений, то они иногда достаточно долго преследуют меня. Однажды был на приёме в словацком посольстве, там во время фуршета обсуждали приезд в Москву Мадонны. И вдруг я слышу, что кто-то говорит: «Да что там Мадонна! Вы бы слышали, что Геращенко на радио “Эхо Москвы” сказал».

Меня, конечно, Алексей Венедиктов немножко подвёл. Я 27 июля 2006 года пришёл к нему после долгого и душевного мужского разговора с членом совета директоров ЮКОСа, директором Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук академиком Алексеем Канторовичем, который, зная, о чём говорит, ругал современную ситуацию в геологоразведке. Действительно, есть у нас Западная Сибирь. Но она ещё 10–15 лет будет снабжать страну нефтью из тех запасов, которые разведаны сегодня. А что потом? Вот в таком настроении я и приехал на радио «Эхо Москвы». Когда первый раз во время передачи сказанул лишнее слово, то спросил у Венедиктова:

— А у вас тут его, как на телевидении, «запикать» можно?

— Можно! — уверенно ответил мне Алексей. Ну, раз меня уверили, я дальше особо не стеснялся в выражениях. Потом оказалось, что это был прямой эфир. Приехал домой, а жена меня встречает: «Ты что же там наговорил?!» Выяснилось, что к нам домой уже звонят знакомые слушатели. Хотел потом позвонить Венедиктову, сказать, что меня к суду привлекают за публичное использование ненормативной лексики, а его радио собираются закрыть. Но не стал, а то вдруг он шутку не поймёт, перепугается.